

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М17

Серия «Попаданец»
Выпуск 69

Оформление обложки *Ивана Хивренко*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Мах, Макс

М17 Командарм: роман / Макс Мах. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 384 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-116979-4

1921 год, в госпитале для инвалидов войны пришел в себя «убитый» в марте 1920 года командующий Восьмой армией Максим Кравцов. Бывший эсер и штабс-капитан царской армии, бывший член ЦК ВКП(б), лично знакомый с Лениным и половиной героев Гражданской войны и сам награжденный двумя орденами Красного Знамени... В 1922 году Ленин после двух инсультов — уже политический труп, Сталин и Троцкий не дружат, и перед командармом Кравцовым встает вопрос, с кем же ему по пути...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-116979-4

© Макс Мах, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Мы хотим строить социализм из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня... У нас нет других кирпичей...

В. Ленин (Ульянов)

Предупреждение

Автор считает своим долгом предупредить доверчивого читателя и объяснить вдумчивому, что все имена и фамилии, а также географические названия и исторические факты, упомянутые в книге, — суть вымышленные. Любое их совпадение с реальными именами и фактами — случайно, как непреднамеренны и случайны совпадения с обстоятельствами жизни и деятельности, чертами внешности и характера реальных исторических персонажей. Описываемые в книге местности, пейзажи и строения также скорее являются плодом авторского воображения, чем кропотливым описанием реальных мест и архитектурных объектов. И еще раз: все описанное в этой книге является авторским вымыслом. Это АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ, а значит, все было не так...

Часть I

1921

Политическая борьба есть по самой своей сути борьба интересов и сил, а не аргументов.

Л. Троцкий

Глава 1

ЖИЗНЬ МОЯ...

1

Ему нездоровилось. Томило сердце, и еще голова... Голова кружилась, словно бы он сдуру забрался на карусель. И никак не открыть глаз, и не вспомнить, хоть убей, что там случилось накануне — вчера, позавчера? — и отчего так плохо... Отчего?

Кравцов задумался, но куда там! Разве есть время на пустое? Вокруг ад и огонь! Над степью пыль, и черное солнце слепо глядит сквозь выцветшие добела облака.

— Где девятая дивизия?! — орет он сорванным голосом. — Где этот долбаный Мухоперец?!

Связи нет, девятой дивизии нет, и счастья нет, как не было. А артиллерия белых знай себе лупит. И возникает вопрос, откуда у Кутепова столько стволов? А снаряды?

Вопрос без ответа. Риторический вопрос, но факт: белые выстрелов не считают. Бьют наотмашь. Земля дрожит, и песок скрипит на зубах.

— Товарищ командарм! Товарищ Кравцов! То...

— Ну?! — оборачивается он к вестовому. — Ну! Не молчи, товарищ! Телься, твою мать!

— Начдив Журавский! — кричит посыльный тонким «детским» голосом.

Он весь в крови и грязи. Глаза сумасшедшие.

— Начдив...

— Ну!

— Начдив того, — вдруг растерянно говорит боец. — Убит товарищ Журавский... Комиссар теперь... товарищ Богорад, но... нас все равно скоро... посекут всех. Патронов не мае...

И все.

«Не мае», — сказал боец, и время остановилось.

Кравцов увидел черный силуэт связного на фоне вспышки дикого белого огня и умер. То есть он вроде бы подумал тогда...

«Интересно девки пляшут...» — с удивлением, но без страха подумал Кравцов.

Его остановил толчок в грудь. Толкнуло. Он встал, в смысле — остановился, и вдруг увидел себя со стороны. Вернее, сверху. Увидел немолодого мужчину, каким как-то совсем неожиданно успел стать за последние несколько лет. Мужчина... Ну, что там! Роста среднего, животик, под глазами мешки, и волосы давно уже — он рано начал седеть — не перец с солью, а скорее, соль с перцем. И соли много больше, чем перца. Где-то так.

Кравцов посмотрел на себя с сожалением. Равнодушно отметил, что оставил машину в неполюженном месте — ну, так кто же знал! «На минуточку» же остановился, сигарет в ларьке купить. Но теперь, разумеется, оштрафуют...

Ну и хрен с ним! — решил он и поднялся выше, охватывая взглядом проспект, площадь, памятник Ленину...

— Проходите, Максим Давыдович! Душевно рад вас видеть!

Владимир Ильич выглядел неважно. Видимо, не оправился еще от прошлогоднего ранения. Кравцов попытался поставить диагноз, но куда там. Ни опыта, ни знаний настоящих, да и то, что знал, успел позабыть. Но, с другой стороны, сам семь раз ранен и, что такое железо в собственном мясе, знает не понаслышке.

А с Лениным тогда проговорили долго. Совсем неожиданно это было. Все-таки предсовнаркома... Но нашлось о чем поговорить, и Владимир Ильич не пожалел на старого партийца времени. И потом нет-нет да присылал весточку или парой слов обменивался, когда сводила их вместе беспокойная жизнь. На Восьмой партконференции, например, или в ЦК, где Кравцов, впрочем, бывал лишь наездами. Но Ильич его помнил. И в декабре прислал телеграмму, опередившую официальное назначение на армию буквально на несколько часов...

Кравцов вспомнил. Заболел Григорий Яковлевич Сокольников, и Восьмая армия в разгар боев осталась без командующего, но у Троцкого, разумеется, в обойме не холостые...

— Товарищ Кравцов!

Ну что же ты так кричишь, Хусаинов! Зачем?! Разве не видишь, я умер уже...

Умер...

«Умер?» — спросил себя Кравцов, поднимаясь куда-то под облака. Но подумал об этом «без нерва». Просто констатировал факт.

Умер. Эка невидаль...

— Товарищ Кравцов? — голос тихий, осторожный. Женщина, словно бы и сама не уверена, зачем спрашивает.

Но она спрашивает, и Макс понимает вдруг, что жив, хотя и плохо, нехорошо. Голова кружится,

и в горле сухо, как летом в степном Крыму, на солончаках...

— Пить...

Ну, то есть это он думал, что произносит эти звуки, но на самом деле вряд ли даже замычал. Однако женщина его услышала и поняла. Или просто догадалась...

Вода оказалась удивительно вкусной. Он попил немного, но быстро устал и заснул.

2

Врачу, исцели себя сам. Где-то так и есть, только не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом. Прямее некуда, но не в этом дело.

Кравцов чувствовал себя скверно, что не удивительно. После комы и органического слабоумия — доктор Львов сказал, *dementia e laeaiione cerebri organics*, — когда почти семь месяцев никого не узнавал, ни на каком языке не говорил, пускал слюни и самостоятельно даже не пил, ничего лучшего ожидать не приходилось. На руки и ноги, на бедра и живот, то есть на все, на что можно было посмотреть без зеркала, второй раз, собственно, и смотреть не хотелось. Кожа да кости. Мощи. И кожный покров под стать определению: темный, сухой, морщинистый. Встать с кровати удалось только на десятый день, да и то шатало, что твой тростник на ветру. Свет резал глаза, тихие звуки отдавались в висках колокольным боем. Ноги не держали, руки тряслись, как у старика. Впрочем, стариком он теперь и был. Тридцать два года, восемь ранений, последнее — смертельное...

Но и доктор Львов, судя по всему, не жилец. Выглядит ужасно, чувствует себя наверняка еще хуже.

— Ну-с, батенька! — бородка, как у Ильича, и картавит похоже, но не Ульянов. — Как самочувствие?

— Ну, что вам сказать, Иван Павлович, — сделал попытку усмехнуться Кравцов, — хотелось бы лучше, но это теперь, как я понимаю, только с божьей помощью возможно, а я в бога не верую. Так что...

— Атеист? — прищурился Львов. — Или агностик?

— Вы член партии? — в свою очередь спросил Кравцов. — Большевик?

— Социал-демократ, — устало ответил Львов. — В прошлом. Теперь, стало быть, беспартийный.

— Тогда... — Кравцов все-таки смог изобразить некое подобие улыбки. — Но только между нами. Скорее, агностик.

— Ну, и ладно, — согласился доктор Львов. — Что делать-то теперь станете?

И в самом деле, прямо-таки по Чернышевскому. «Что делать?» Вопрос, однако. Поскольку, вернувшись из небытия, очнувшись и несколько оклемавшись, на что ушло три с лишком недели, оставаться и дальше в интернате для инвалидов войны Кравцов не мог. Даже если бы захотел. Но он, разумеется, не хотел.

— Не знаю, — покачал головой, размышляя одновременно о превратностях судьбы. — Не знаю пока, Иван Павлович. Наверное, в Питер поеду. Доучиваться...

Идея интересная, спору нет, но прийти могла только в такую больную голову, как теперь у Кравцова. Впрочем, что-то же делать надо, ведь так?

Максим Кравцов окончил гимназию в девятьсот седьмом. Не гладко, но уверенно, хотя и с двумя исключениями за «слишком длинный язык» и «неправильные знакомства». Тем не менее окончил,

и совсем неплохо, хотя и без медали, на которую мог рассчитывать. Начал учиться на врача в Петербурге, но в десятом году вылетел из университета и чуть было не сел. А ведь мог, и если бы действительно сел, то надолго, и хорошо если не на каторгу загремел. Имелись в его деле нюансы, о которых лучше не вспоминать: известное дело, молодость и революция кружат голову похлеще вина. Спасибо, родственники порадели да помогли деньгами, и он уехал в Италию. Почему туда, а не в Париж или Базель, куда стремилось абсолютное большинство политэмигрантов, вопрос занимательный, конечно. Вот только ответить на него сложно. Вернее, не столько сложно, сколько стыдно. Революционер-то он, конечно, революционер — партийный стаж аж с «Обуховской обороны»¹ — но по пути в Швейцарию Кравцов банально встретил женщину. Ну, как водится, молода, красива, и южная кровь играет в округлом во всех правильных местах теле. Любовь, страсть, и Кравцов неожиданно для самого себя оказался в Падуе.

Анна Мария была замужем и успела к двадцати годам родить двух детей, но об увядании не могло идти и речи: гладкая чуть смуглая кожа, словно тончайший шелк. И старый богатый муж в стиле комедии дель арте. Просто Карло Гольдони какой-то. «Слуга двух господ» или, скажем, «Трактирщица». И, следует сказать, Кравцова — вероятно, по молодости лет — это нисколько не смущало. Напротив, по ощущениям, все обстояло просто чудесно. Красави-

¹ Обуховская оборона. Командарм Кравцов гиперболизирует. События относятся к 1901 году, когда Максим Давыдович еще в революционном движении не состоял по малолетству, поскольку родился в 1889-м.

ца с огромными миндалевидными глазами цвета прозрачной морской сини и с черными, словно южная ночь, вьющимися волосами, чудесный город и старейший в мире университет. И легкое белое вино, и терпкое — красное, и граппа в приличных для русского человека количествах под не совсем привычную для жителя Севера, но вкусную закуску... Однако в четырнадцатом году грянула война, и в Кравцове стремительно проснулся русский патриот. Возможно, причиной тому стала некоторая географическая оторванность не только от Святой Руси, но и от многочисленной и разнообразной русской диаспоры. Хотя и политические взгляды сбрасывать со счетов не следует. В эсеровской идеологии все это содержалось в латентном состоянии, как зерно в оттаивающей после зимы земле. Впрочем, некоторые эсдеки при упоминании о «подлых германцах» демонстрировали никак не меньшую ажитацию. Интернационалисты, понимаешь!

Тем не менее сам-то Кравцов в феврале пятнадцатого оказался уже на фронте. И получается, что за вычетом нескольких коротких отпусков, госпитальных перерывов и недолгого периода безвременья зимой с семнадцатого на восемнадцатый прожил он на войне едва ли не лучшие годы своей жизни. И совсем не очевидно, что вспомнит теперь забытую за ненадобностью латынь или анатомию. Отнюдь нет. В конце концов, уже долгих пять лет умение правильно выбрать артиллерийскую позицию, поднять матом бойцов в штыковую или произнести пламенную речь перед голодными и оборванными солдатиками были куда важнее, чем методы пальпации или перкуссии.

— Наверное, поеду в Питер. Доучиваться...

Со стороны, вероятно, их встреча выглядела весьма мелодраматично. Хоть сейчас записывай в роман, но, если разобраться, на хороший роман тянула и вся жизнь Кравцова. А уж этот день выдался и вовсе из ряда вон. Он весь был как бы соткан из литературных реминисценций. От и до.

Интернат помещался на богатой даче кого-то из «бывших». Впрочем, за годы революции и гражданской войны комплекс зданий, состоящий из двухэтажного, в псевдоклассическом стиле, особняка, кирпичного флигеля и нескольких деревянных построек, сильно обветшал и выглядел скорее руинами, чем медицинским учреждением. Жизнь в Советской России в 1921 году была на самом деле не просто бедная, а, прямо сказать, нищенская. И «дом призрения», в котором собрали увечных воинов и безнадежных доходяг, которых больше некуда пристроить, соответствовал времени и небогатым возможностям молодого пролетарского государства. Тем более приятно было покинуть это унылое место, где царит отчаяние, давящее на психику почти физически ощутимой тяжестью, и где вечно пахнет карболкой, известью, нечистотами и мышами.

До города Кравцова довез ехавший за продуктами завхоз интерната Жовтов. Не на бричке и не в автомобиле, а на простой крестьянской телеге, но и за то спасибо. Кравцов все еще был слаб, напоминая полутруп не только внешним видом. По ощущениям, в гроб ложиться, но кто ж его такого в «домовину» пустит? Говорят, туда и то краше кладут. Однако, так или иначе, а о том, чтобы дойти до города на своих двоих, не могло идти речи. Не ходок был нынче Кравцов, нет — не ходок...

Телега тащилась медленно, со скрипом и стуком: дорога разбитая, а лошадка — ледащая, едва способная передвигать ноги. Но за разговором ни о чем и под весенним, неожиданно теплым солнышком, под крепкий дух махорки и аромат «просыпающейся» земли, почему бы и нет? Ехали помаленьку, и Кравцов с любопытством изучал окрестности. Все как будто знакомо, но как бы и ново одновременно. Все — любая глупая мелочь — привлекает взгляд, вызывает неподдельный интерес, а то и удивление. И все время мерещилось что-то, остававшееся, впрочем, на самом краю сознания, словно бы видишь его, да никак не ухватишь. Кравцов даже не пробовал, предполагая причиной «мании» свое нездоровье. Только все время ощущал нечто похожее на скорбь.

Чувство утраты?

Возможно.

Однако Кравцов никак не мог вспомнить, что же он потерял и где? Но он даже предположить что-нибудь разумное по этому поводу не мог. Не получалось придумать.

Между тем завхоз — добрая душа — довез его почти до места. Там и идти-то уже всего ничего. Метров двести по проспекту, среди несколько пообносившихся, но все еще как бы «нарядных» зданий, через площадь и по улице. Но там уже действительно — совсем рядом...

Кравцов понял, что задыхается, и остановился, опершись на теплую стену дома. Цокольный этаж был облицован гранитом, а с невысокого крыльца на Максима Давыдовича с укоризной смотрел часовой. *Ну, куда ж ты, мил человек! Тебе не в горком партии идти надо, а напрямиком к товарищу Лешко в комитет помощи раненым красноармейцам и инвалидам вой-*